

УДК 281.93(440.53)''1954/1964''

doi 10.17072/2219-3111-2021-4-99-109

Ссылка для цитирования: *Красулина Ж. М., Никонова О. Ю.* Святые источники и народная религиозность православного населения Урала в 1954–1964 годах // Вестник Пермского университета. История. 2021. № 4(55). С. 99–109.

СВЯТЫЕ ИСТОЧНИКИ И НАРОДНАЯ РЕЛИГИОЗНОСТЬ ПРАВОСЛАВНОГО НАСЕЛЕНИЯ УРАЛА В 1954–1964 ГОДАХ¹

Ж. М. Красулина

Южно-Уральский государственный университет, 454080, Россия, Челябинск, пр-т Ленина, 76
krasulina.zhanna@mail.ru
ORCID: 0000-0001-5302-6712

О. Ю. Никонова

Южно-Уральский государственный университет, 454080, Россия, Челябинск, пр-т Ленина, 76
Тюменский государственный университет, 625003, Россия, Тюмень ул. Володарского, 6
olga-nikonova@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-0100-6581

Традиция приписывания природным феноменам мифологических и религиозных смыслов, формирования ритуальной культуры, связанной с деревьями, камнями, водными источниками, атмосферными явлениями, относится к древнейшим сакральным практикам человеческих сообществ. Это стимулировало философско-культурологические и антропологические исследования данного феномена в контексте православной культуры, нацеленные на выявление соотношения языческих и христианских символов и ритуалов и анализ проблемы двоеверия православного населения России. Исторические исследования проявлений народной религиозности пока находятся на стадии обобщения эмпирического материала. Предметом изучения в статье являются народные религиозные практики в историческом контексте хрущевской антирелигиозной кампании. Фокус изучения направлен на православные традиции почитания водных источников. Спецификой подхода является анализ элементов народной религиозности (на примере почитания «святых источников») как проявлений повседневных практик адаптации и выживания верующих в СССР. Несмотря на изгнание религии из публичного пространства в эпоху Н. С. Хрущева, вера в чудеса и чудесные исцеления, посещение святых мест были часто встречающимся явлением не только среди верующих православных советских людей, но и среди тех, кто считались «атеистами». Региональными особенностями народной религиозности на Урале было переосмысление святых мест в мультиэтничном пространстве региона, использование водных источников в целях народной медицины в условиях недостаточно развитой системы здравоохранения. Для определенных категорий советских граждан (бывшие священники, монахи и монахини, маргинализованные элементы) сфера народной религиозности была пространством реализации субъективности, отличной от «нормативной». В результате применения сравнительно-исторического подхода показано также, что практики почитания святых источников на Урале вписываются в общесоюзные рамки феномена.

Ключевые слова: советское государство, народная религиозность, паломничества, святые источники, православные верующие, антирелигиозная политика, практики адаптации и выживания.

Научная литература, посвященная теме народной религиозности в России, представляет собой обширный исследовательский ландшафт междисциплинарного характера [Сережко, 2010]. Лидерствующие позиции среди исследователей занимают антропологи, этнологи, религиоведы, культурологи, фольклористы. Их работы часто имеют широкие хронологические рамки, пересекающие значимые для историков политические вехи. Антрополого-культурологический и этнографический подходы нацелены на анализ преемственности и изменений религиозных практик и обрядовости в длительной ретроспективе и подводят к проблеме народной религиозности в современном российском обществе. Историческое изучение фено-

мена пока остается в тени изучения проблемы взаимоотношений между государством, церковью и обществом и на настоящий момент демонстрирует определенный хронологический дисбаланс: количество работ, посвященных дореволюционному периоду, преобладает над трудами по советскому периоду, среди которых большая часть охватывает довоенные годы [Бальжанова, 2006; Иванов, 2001; Кобзева, Протасова, 2020; Никифорова, 2006; Садырова, 2010 и др.]. Проблематика народной религиозности изучается с использованием неунифицированного понятийного аппарата. Для исследования ритуалов, религиозных практик и обрядовости, характерных для православных верующих и выходящих за рамки официальной церковной доктрины, используются синонимичные или схожие термины: народная религиозность, народное православие, двоеверие, народная религия, народное христианство, вернакулярные практики. Предмет исследования данной статьи также находит отражение в трудах, посвященных религиозной жизни верующих [Подмарицын, 2016; Гераськин, 2007, 2018].

В историографии народной религиозности сложились несколько исследовательских «полей», по-разному интерпретирующих феномен и причины его возникновения. В научной литературе, вышедшей из-под пера лиц духовного звания, проявления народной религиозности в период хрущевских антирелигиозных кампаний трактуются как заместительные по отношению к каноническим практикам, вынужденно возникавшие в условиях гонений на Русскую православную церковь (РПЦ). При этом латентно или явно выражается негативная оценка явлений, которая, по сути, отражает позицию РПЦ по отношению к народным верованиям [Подмарицын, 2017]. Интерес историко-антропологической литературы в определенной степени следует традициям, заложенным представителями русско-советской семиотической школы и исследователями эпохи Средневековья. В фокусе антропологически ориентированных историков оказывается «вечная» проблема биполярности российской культуры, борьбы язычества и христианства, протянувшейся сквозь века. Данная статья опирается на подход, предложенный И. Левин и ориентированный не на поиск «отдаленных источников тех или иных обычаев», а на раскрытие их значения в историческом контексте [Левин, 2004, с. 33–34]. И хотя монография И. Левин посвящена народной религиозности других эпох, предложенный ею прием контекстуализации представляется плодотворным и при интерпретации советского прошлого. Позиция И. Левин, на наш взгляд, близка функциональному подходу к анализу народного православия А. А. Панченко, который рассматривает его как культурное явление, реализующееся в виде «определенного набора представлений, текстов, ритуалов» и обладающее «независимым смыслом» [Панченко, 1998, с. 27]. Именно Панченко обращает внимание на важную для данного кейса мысль Б. Малиновского, что «функциональный подход позволяет нам определить прагматический контекст символа...». Ученый подчеркивает групповой характер народной религиозности («коллективный религиозный опыт») и важность регионального подхода (связь с народной мифологией пространства) [Там же, с. 12–13, 25–26]. Таким образом, мы намерены принять участие в дискуссии о значении святых мест для верующих советских граждан в их повседневной жизни, а также внести вклад в размышления о том, какую роль играла борьба с паломничествами и неканонической обрядностью в советской политической практике эпохи хрущевской антирелигиозной кампании и в позиции РПЦ. Источниковой основой статьи послужили отчеты уполномоченных Совета по делам Русской православной церкви при Совете министров СССР за 1954–1964 гг., хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ), Центре документации общественных организаций Свердловской области (ГКУСО «ЦДООСО»), Объединенном государственном архиве Челябинской области (ГУ ОГАЧО), а также сведения о состоянии церковной жизни в СССР, почерпнутые из материалов Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ).

Предметом данной статьи выступают народно-религиозные практики, связанные с почитанием «святых источников». Несмотря на кажущееся обилие кейсов, реконструированных историками на основе изучения различных областей СССР, в историографии не встречается обобщенных данных по количеству почитавшихся «святых источников». Сведения о 60 водных источниках в СССР в 1947 г., сократившихся к 1958 г. до 30, нельзя считать подтвержденными [Степнова, 2013, с. 16]. К 1958 г., ознаменовавшему начало активной антирелигиозной кампании в СССР, традиция почитания водных источников советскими верующими уже прошла этапы угасания данной формы религиозности в 1930-е – начале 1940-х гг., а затем возрождения в годы Великой

Отечественной войны и начальный послевоенный период. Период позднего сталинизма и первых хрущевских лет ознаменовался равнодушием государства и партии к практике паломничеств. В результате в наиболее известных святых местах собирались до 20 тыс. верующих [Хун, 2011, с. 608; Хун, 2012, с. 234]. После принятия 28 ноября 1958 г. секретного постановления ЦК КПСС «О мерах по прекращению паломничества к “святым местам”» либеральную политику сменили контроль и репрессии, что привело к очередному спаду народной религиозности.

Далее мы рассмотрим вопросы о структуре водного сакрального «пространства» на Урале по данным уполномоченных, о причинах роста народной религиозности в годы хрущевской антирелигиозной кампании; социальном портрете верующих, участвовавших в неканонических ритуалах и обрядах; оценках и действиях советских государственных учреждений, а также прагматических смыслах, связанных с почитанием «святых источников» в советской повседневности.

Немецкая исследовательница У. Хун заметила, что Советский Союз был похож на страну чудес [Хун, 2012, с. 232]. В представлениях православного населения пространство СССР было наполнено святыми местами, посещение которых для многих было обязательной составной частью религиозной жизни. Древние монастыри и пещерные храмы, места явления икон и святых, могилы причисленных к святым или схимников, «святые» водные источники, камни или деревья чаще всего были связаны с устными или письменными свидетельствами о чудесах. Некоторые сакральные пространства и объекты являлись частью истории РПЦ и входили в официально признанные церковью паломнические маршруты. Об оживлении посещения «святых источников», связанных со Свято-Троицкой Сергиевой лаврой в дни престольного праздника Троицы, или об использовании монахами Киево-Печерской лавры пещер с мощами «в целях религиозной пропаганды» Совет по делам РПЦ при Совете министров СССР докладывал в ЦК КПСС в начале 1950-х гг. (РГАНИ. Ф. 72. Оп. 1. Д. 10. Л. 37, 143–145). У. Хун подробно реконструировала сюжет, связанный с паломничествами в конце 1940-х – 1950-е гг. к источнику у монастыря «Коренная пустынь» в Курской области [Хун, 2012, с. 232–256]. Она же обратила внимание на особо почитавшееся как сторонниками официальной церкви, так и старообрядцами Светлое озеро в Горьковской области, с которым была связана легенда об исчезнувшем «граде Китеже» [Хун, 2011, с. 591–618].

Материалы Уральского региона подтверждают выявленные исследователями тенденции. Сакральная география уральской территории, в которую входили Молотовская (с 1957 г. – Пермская), Свердловская, Челябинская, Чкаловская (с 1957 г. – Оренбургская), Курганская области, а также часть Башкирской и Удмуртской АССР, была достаточно интересной. Богатыми на «святые источники» местностями, согласно отчетам уполномоченных, были Башкирия и Молотовская область, наименьшее количество почитаемых мест оказалось в Челябинской области. Применительно к Молотовской области уполномоченный сообщал об 11 источниках (ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 1775. Л. 33), по другим областям встречаются лишь отдельные упоминания конкретных «святых мест». Выявить общее количество почитаемых водных источников на Урале на основе официальных отчетов представляется невозможным, так как они не содержали систематической информации о наблюдавшихся явлениях, упоминая только наиболее значимые источники и серьезные «нарушения» советского порядка, связанные с их посещением. Современный сайт «Святой источник», формируемый на основе внесения верифицируемой информации добровольцами, на сегодняшний день содержит сведения о более чем 90 источниках на Урале, среди которых лишь 11 имеют, согласно устным свидетельствам, дореволюционную историю. Однако данные сведения являются заведомо неполными (Святой источник).

Среди перечисляемых в документах уральских водных «святых мест» встречаются источники различных типов по складывающейся в историографии классификации. Неоднократно упоминаются наиболее значимые святые места с дореволюционной традицией их почитания. Народная мифология приписывала дореволюционное происхождение «святому источнику», расположенному у д. Новые Казанчи Аскинского района Башкирии, почитание которого насчитывало более 100 лет, а также «святым ключам» близ деревень Ивановка и Капкан Чернушинского района Молотовской области, о которых знали еще до 1917 г., но они «были забыты» (ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 1131. Л. 24–33, 45–46). Как и в других регионах, большинство уральских водных источников было связано с чудесными явлениями святых или их образов (икон). Например, ежегодно 24 июля (день явления чудотворного образа) проходило паломни-

чество к водному источнику около с. Кольцово Верхне-Муллинского района Молотовской области, посвященное местному престольному празднику Новоявленной иконы Николая Чудотворца. Престольный праздник в с. Кольцово до начала антирелигиозной кампании собирал свыше 2000 человек из разных уголков страны (ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 1131. Л. 23–24). Устное предание связывало икону с первой половиной XVII в. с историей о кольцовском крестьянине, нашедшем убежавшую лошадь с помощью неизвестного старца. В благодарность тот велел мужику заказать иконописцам «образ святого Николая» (Там же. Л. 25). Согласно народной мифологии, икона стала творить чудеса, и источник у с. Кольцово оказался вовлечен в ритуал ее почитания. К подобному типу источников относились ключи у с. Табынска (ныне курорт Красноусольск, Башкирия), у с. Подколки Бузулукского района Оренбургской области (явление иконы Казанской Богородицы), в с. Тараканово Большесосновского района Пермской области (явление Пресвятой Богородицы) и др. (ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 1400. Л. 42; Уфимская епархия; Храмы..., 2015 и др.). Уральские старообрядческие общины беспоповского согласия почитали святой источник, бравший начало у могилы схимницы Платониды (ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 59. Д. 110. Л. 51–54, 76–78).

Многонациональный состав населения Урала стал причиной переозначивания сакральных мест, а также совместного их использования разными конфессиями. Источник у д. Новые Казанчи (ныне родник находится в санатории «Танып» республики Башкортостан) ведет свою историю с конца XVIII в. На современном туристическом сайте-гиде по святым местам опубликована легенда о возникновении источника. Согласно ей, недалеко от д. Новые Казанчи во время ночевки замерзли возвращавшиеся из хаджа в Мекку мусульманин и его жена. Обнаружившие их тела жители д. Новые Казанчи похоронили супругов, недалеко от могилы вскоре забил ключ. А в середине XX в. у источника начали систематически собираться православные христиане. Три березы, выросшие возле ключа, для христиан символизировали «Святую Троицу» (Святые России). В отчетах уполномоченного по Молотовской области отмечалось, что водный источник в Аскинском районе посещают не только русские, но и татары (ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 1135. Л. 53).

Традиционно исследователи связывают оживление паломнических традиций в годы хрущевской антирелигиозной кампании с закрытием церквей. Сокращение количества учреждений культа и численности священнослужителей заставляло верующих искать альтернативные возможности. Как отмечает А. Г. Подмарицын, «внехрамовые культовые места не могли контролироваться на постоянной основе, что давало верующим возможность периодически собираться для совершения общественных богослужений» [Подмарицын, 2017, с. 419]. Одним из аргументов в пользу данного тезиса служат факты паломничества не только в известные и почитаемые места общероссийского значения, связанные с дореволюционной традицией [Хун, 2011, 2012], но и оживление религиозной жизни вокруг локальных сакральных мест, как существовавших, так и вновь «открытых» [Подмарицын, 2017, с. 463–464; Гераськин, 2009, с. 34; Сергазина, 2013, Степнова, 2013]. На уральской территории такими «изобретенными» местами поклонения стали, например, небольшой водоем в совхозе «Новый мир» Чесменского района Челябинской области. У этого водоема молились паломники, приходившие посетить т.н. «Святую Матрену» – парализованную в 13 лет женщину, которая «48 лет болеет, не пьет и не ест, не умирает и вида своего не теряет» (ОГАЧО. Ф. Р-274. Оп. 3. Д. 4479а. Л. 1–2), или «святой источник» в подвале церкви в г. Чердынь (ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 1360. Л. 51).

Одной из причин почитания святых источников можно считать, вероятно, социальные условия жизни советского населения и традиции народной медицины, сохранявшиеся в деревнях и городах. Чтобы обосновать этот тезис, обратимся сначала к вопросу о составе паломников. В паломничествах участвовали как местные жители, так и приезжие. В с. Подколки Бузулукского района Оренбургской области ежегодно приезжало около 15 тысяч человек. 19–21 июля 1958 г., по данным уполномоченного по делам РПЦ, источник посетили более 10 тысяч человек (ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 1400. Л. 43). География паломников охватывала г. Бузулук, села Троицкое, Малогасвицкое, Подколки, а также жителей городов и деревень Свердловской, Пермской, Челябинской областей, Татарии, Мордовии, Удмуртии. Ежегодно за счет сопредельных городов и поселений росла посещаемость святого источника у д. Новые Казанчи. По данным уполномоченно-

го, в 1953 г. ключ посетили 25 человек, в 1954 г. – 300–350 человек, в 1955 г. – 700–750 человек, в 1956 г. – около 800 человек (ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 1400. Л. 42).

Паломничества совершались и сельскими, и городскими жителями. Учитывая процесс урбанизации, возобновившийся после окончания Великой Отечественной войны, и приток сельского населения в города, среди «городских» паломников было немало бывших сельских жителей. Согласно отчетам уральских уполномоченных, на Урале, как и по всему СССР, среди паломников преобладали женщины среднего и старшего возраста. Доминирование женщин, лиц с низким уровнем образования и представителей сельских поселений среди паломников подтверждает тезис о маргинализации верующих в СССР, высказанный Л. И. Сосковец. Она обращает внимание на «преобладание среди верующих пожилых людей, лиц низкого образовательного уровня, невысокого статусного положения», женщин [Сосковец, 2010, с. 11], что было характерно и для уральских областей [Федченко, 2006, с. 25]. В целом, Урал, вероятно, был территорией, благоприятной для распространения практик народной религиозности, так как, согласно данным уральских исследователей, образовательный уровень населения в регионе был несколько ниже, чем в среднем по РСФСР [Корнилов, Чернышева, 2018, с. 153]. При этом нередко были случаи, когда среди собравшихся на богослужение в церкви, на празднике почитания икон или отправлявших ритуалы на водных источниках оказывались дети, молодежь, члены партии и комсомола, руководители советских и партийных организаций. Эти факты тщательно фиксировались и передавались в отдел пропаганды и агитации ЦК КПСС как свидетельство низкого уровня проводимой атеистической работы (РГАНИ. Ф. 72. Оп. 1. Д. 10. Л. 72, 115; Ф. 5. Оп. 16. Д. 650. Л. 3 и др.).

Представляется, что искать объяснение распространения народной религиозности в 1950-е – начале 1960-х гг. необходимо не в недостатках антирелигиозной пропаганды, а в общих социально-экономических и социокультурных условиях жизни советского населения второй половины 1950-х – начала 1960-х гг. Недостаточный уровень развития медицины и доступности медицинской помощи как в сельской местности, так и в городах заставлял искать альтернативные возможности борьбы с болезнями, особенно такими, недостаточно изученными советской медициной, как кожные, психические, заболевания нервной системы и опорно-двигательного аппарата, бесплодие. В результате на святые источники привозили детей, «калек», «бесноватых» (по терминологии отчетов уполномоченных), слепых и неходячих. Еще до начала антирелигиозной кампании, когда партийно-государственный аппарат преимущественно наблюдал за развитием событий в церковно-религиозной сфере, глава Совета по делам РПЦ Г. Г. Карпов докладывал в ЦК КПСС о ситуации на наиболее известных источниках, расположенных преимущественно в европейской части РСФСР. Характеризуя паломничества в Коренную пустынь, Карпов подчеркивал, что «туда шли и нервно-больные, и с бородавками, и с сифилисом. Люди шли и молились и пели песни. От них можно было слышать такое выражение: “идешь, а из тебя болезнь уходит”. Это убеждение производило самое тяжелое впечатление. Очень большой процент нервно-больных идут со всех сторон с тем, чтобы исцелиться» (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 16. Д. 668. Л. 69).

К сожалению, существующая историография по развитию медицины и здравоохранения в советский период находится на стадии эмпирических исследований и не позволяет сформировать четких представлений об уровне оказания медицинской помощи в сравнительной перспективе. На основе существующей литературы можно высказать отдельные предположения. Например, в конце 1940-х – начале 1950-х гг. в СССР проводилось объединение больниц с амбулаторно-поликлиническими учреждениями. Результаты проведенной оптимизации привели к сокращению поликлиник и амбулаторных пунктов на селе, что вызвало издание специального приказа Министерства здравоохранения СССР «об исправлении ошибок». Новая реорганизация системы здравоохранения на районном уровне, предпринятая в 1957–1958 гг., также не способствовала увеличению доступности медицинской помощи, особенно в сельской местности. При общей положительной динамике развития здравоохранения в СССР по целому ряду показателей обеспеченность населения койко-местами оставалась следующей: в 1955 г. – 65 коек на 10 000 граждан, в 1960 г. – 80 коек на 10 000 граждан. Некоторые уральские области, например Чкаловская, отставали от среднесоюзных показателей [Леонтьева, 2014]. В таких условиях существование народной медицины и использование минеральных источников были не просто

вопросами веры или неверия, а вариантом решения практических проблем для советских граждан, особенно жителей деревни.

На уральской территории, известной своими минеральными источниками и бальнеологическими курортами, практики народной медицины, медиумами которой до настоящего времени остаются различные «знахарки» и «старушки», имели под собой реальную основу. В современных здравницах вода из минеральных источников применяется для лечения различных заболеваний. В отчетах уральских уполномоченных 1950–60-х гг. содержатся не только критические наблюдения за народной религиозностью, но и рекомендации по использованию целебных источников. Неоднократно упоминавшийся источник в Аскинском районе Башкирии привлекал внимание уполномоченного с начала 1950-х гг. В отчете 1954 г. указывается, что к д. Новые Казанчи «число паломников, причем особенно больных, с каждым годом пошло на увеличение». Уполномоченный старательно фиксировал рассказы верующих о чудесных исцелениях. Бухгалтер Аскинского леспромхоза рассказывала иногородним паломникам: «У меня ребенок прошлый год не говорил, я сходила с ним на этот источник, помыла его и он сейчас со мной, видите, как прекрасно стал говорить». «...Некоторые говорят, – продолжал уполномоченный, – что я плохо видела, а сейчас вижу хорошо, была глухая, а сейчас слышу и т.д.» (ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 1131. Л. 25).

Посещавшие источник мусульмане, по свидетельству уполномоченного, высказывались так: «Мы вашего бога и своего не признаем, но моем ноги, вода эта полезна, а туф (мелкий ракушечник) пересыпаем, рана скоро заживет». Отчитываясь о ситуации в 1957 г., уполномоченный по Пермской области, отмечал: «Сколько раз об этом было говорено руководителям Аскинского района, воду эту следует исследовать, может быть, она действительно пригодна для лечения, а если так – организовать на этом месте санаторий и выбить почву у верующих» (ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 1466. Л. 53). В результате на базе источника действительно был организован санаторий, действующий по настоящее время.

Наряду с использованием «святых источников» в медицинских целях, к числу адаптирующих практик советской повседневности можно отнести и личностные стратегии выживания, использовавшиеся маргинализированными в «нормальном» атеистическом мире советскими гражданами. Как отмечает религиовед К. Сергазина, уже с 1940-х гг. верующие часто молились без священников [Сергазина, 2013] или под руководством мирян, монашек, бывших священнослужителей, «присваивавших» себе право быть посредниками между верующими и богом. Для этой категории граждан ниша народной религиозности была местом повышения их социального статуса, а иногда и способом экономического выживания.

Среди упоминавшихся уполномоченными организаторов паломничеств и служб был Иван Яковлевич Заяшников, 1916 года рождения. Житель с. Верхняя Вязовка Бузулукского района имел два класса образования и причислял себя к «бывшим священникам», окружал заботой паломников к источнику в с. Подколки (ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 1400. Л. 43). При обследовании источника Святой Платониды, расположенного в лесах Ревдинского района Свердловской области, к организаторам богослужений отнесли местных активистов из незарегистрированных групп верующих. Они строили специальные шатры, в которых устанавливались иконостасы, оборудовали шалаши и палатки для паломников (ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 59. Д. 110. Л. 51). Среди организаторов богослужений в других местах Урала, по свидетельствам официальных отчетов, были монашенки, старые девы, лица обоего пола, выдавшие себя за священников, разного рода «кликуши и юродивые (ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 1466. Л. 68; ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 59. Д. 110. Л. 51).

Внехрамовая религиозная жизнь вызывала беспокойство как у партийно-государственного аппарата, так и у представителей РПЦ. Паломничества к источникам, крестные ходы и богослужения маркировались в официальных документах как проявления религиозных предрассудков, суеверий, фанатизма и нарушение общественного порядка. Последнее позволяло применять к паломникам меры административного воздействия. Постановление от 28 ноября 1958 г. «О мерах по прекращению паломничества к “святых местам”» требовало от местных партийно-государственных органов и уполномоченных по делам РПЦ на местах активных действий по предотвращению крестных ходов и богослужений и других проявлений народной религиозности. Наиболее легким казался путь физической ликвидации сакральных

пространств и объектов. Поэтому, как отмечают исследователи, источники засыпали, закладывали камнями, сносили сопутствующие постройки и установленные кресты, спиливали посаженные деревья [Стеннова, 2013]. Типичными были попытки атеистического «перекодирования» мест – перевод их в территории хозяйственного назначения и использования, попытки проведения светских праздников в местах паломничества. Так, участок под г. Ревда, где располагалась могила схимницы Платониды, местный исполком совета депутатов постановил передать леспромхозу для организации лесозаготовительных работ и ограничения доступа к территории (ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 59. Д. 110. Л. 53).

Другим вариантом противодействия паломничествам и проявлениям народной религиозности было замещение религиозных праздников «социалистической обрядностью». Нередко использовались и насильственные формы прекращения богослужений.

Позиция представителей РПЦ по отношению к народной религиозности была обусловлена двойственностью положения официальной церкви в СССР, начиная с периода заключения так называемого «конкордата» государства и церкви в годы Великой Отечественной войны. Священнослужители разных уровней пытались избежать двойного конфликта – с верующими, с одной стороны, с советскими надзорными органами и органами местного управления и партийным руководством – с другой. Многие батюшки, стремившиеся уклониться от конфликта с «гражданской властью», отказывались проводить богослужения на «святых источниках», вызывая нарекания со стороны верующих. В 1960 г. уполномоченный по Пермской области сообщал в Совет по делам РПЦ о «правильном» настоятеле церкви в с. Кольцово, который, «если удержится», «отучит» своих прихожан от паломничества на ключ. Далее уполномоченный достаточно подробно остановился на конфликте лояльного власти настоятеля кольцовской церкви Андреева с епископом Павлом. Последний сравнивал его с предыдущим священнослужителем Ахидовым, сумевшим возродить «святой ключ», и добивался отставки Андреева. Аргументами в борьбе было недовольство верующих батюшкой и падение доходов церкви из-за сокращения числа паломников (ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 1775. Л. 33–34, 55–56). Фигуры двух настоятелей кольцовской церкви – Ахидова и Андреева – олицетворяют два варианта практик приспособления к антирелигиозной политике государства, встречавшиеся повсеместно на территории СССР. Один предпочел поддержку верующих и епископа, другой выбрал лояльное поведение по отношению к светской власти. Необходимо отметить также, что нередко руководители епархий сами стремились умерить батюшек на местах, поощрявших паломничества, чтобы сохранить статус-кво во взаимоотношениях с партийно-государственными организациями.

Условия антирелигиозной кампании стимулировали рост конфликтности в среде священнослужителей и церковного клира. Настоятель церкви в г. Чердынь, обращаясь к уполномоченному с жалобой об ущемлении своих прав, использовал «святой источник» как аргумент в борьбе с конкурентом: «Я служил почти два года в г. Чердыни и никаких чудес, представьте, там не видел, а вот сейчас съездил и узнал, что игумен Харитон там служит полтора месяца и уже раскопал в подвале церкви “святой источник”. Вы ведь знаете его, что он до всяких чудес охоч, за что и сидел дважды. Такой игумен опять там что-нибудь накрутит. Церковь там на горе и там несколько природных источников, таких же, как и под церковью, но они, конечно, не святые и никто их ранее не освящал» (ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 1360. Л. 51).

По мнению исследователей, к 1964 г. совместными усилиями партийных и советских органов, уполномоченных по делам религий удалось практически прекратить паломничества к наиболее посещаемым источникам [Гераськин, 2018, с. 74]. В условиях усиливающегося давления административными методами и идеологической обработки пространства духовной свободы и отправления церковных и народно-религиозных ритуалов сокращались, их посещаемость падала. Паломнические практики не были актуальны для многих категорий советских граждан – образованных слоев населения, молодежи. Народная религиозность исчезала как «ниша» и для маргинализованных элементов, поддерживавших паломнические практики в послевоенный период, и для верующих СССР. Вместе с тем можно предположить, что отчеты уполномоченных, отражавшие «кампанейские» способы мониторинга религиозной ситуации в стране, перестали транслировать информацию о паломничествах после ослабления хрущевской антирелигиозной кампании и реформирования самой системы контроля за РПЦ и верующими. Латент-

ное существование народной религиозности привело к быстрому возрождению паломнических практик в условиях восстановления религиозной свободы после перестройки.

Примечания

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта Правительства РФ, проект № 075-15-2021-611 «Человек в меняющемся пространстве Урала и Сибири».

Список источников

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 1131, 1135, 1360, 1466, 1775; Оп. 2. Д. 1131; Оп. 6. Д. 1400.
Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. Р-274. Оп. 3. Д. 4479а.
Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 1. Д. 10; Оп. 16. Д. 650, 668; Ф. 72. Оп. 1. Д. 10.
Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 4. Оп. 58. Д. 110.
Святой источник [Электронный ресурс]. URL: <http://svyato.info/> (дата обращения: 12.05.2021).
Святые России [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ruist.ru/index.php/respbashkortostan/83-ob1/2974-svyatoj-klyuch-derevnya-novye-kazanchi> (дата обращения: 03.06.2021).
Уфимская епархия. Башкортостанская митрополия Русская православная церковь [Электронный ресурс]. URL: <http://www.eparhia-ufa.ru/holy/tabynskaya-ikona-bozhiej-materi> (дата обращения: 03.06.2001).
Храмы земли Сосновской: путеводитель [Электронный ресурс] / сост. Т. Лузина. Б. Соснова, 2015. 16 с. URL: <http://soslib.permculture.ru> (дата обращения: 03.06.2021).

Библиографический список

Бальжанова Е.С. Православие в жизни русских крестьян Среднего Урала: XIX – начало XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2006. 283 с.
Гераськин Ю.В. Русская православная церковь, верующие, власть (конец 30-х – 70-е годы XX века): монография. Рязань, 2007. 272 с.
Гераськин Ю.В. Взаимоотношения Русской православной церкви, общества и власти в конце 1930-х – 1991 гг. (на материалах областей Центральной России): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2009. 49 с.
Гераськин Ю.В. Святые источники в религиозной жизни православного населения (на примере Рязанского края) // Горизонты цивилизации: научный журнал / гл. ред. М.В. Загидуллина. Материалы Девярых аркаимских чтений, 23–25 мая 2018 г. Челябинск, 2018. № 9. С. 67–74.
Иванов П.С. Религиозность русского крестьянства в конце XIX – начале XX вв.: дис. ... канд. филос. наук. М., 2001. 186 с.
Кобзева З.М., Протасова А.В. «Подумаем, подумаем, братцы»: народная религиозность до и после революции 1917 года (на примере Среднего Поволжья) // Вестник Самар. ун-та. История, педагогика, философия. 2020. № 26 (1). С. 26–30.
Корнилов Г.Е., Чернышева И.И. Образовательный уровень населения Свердловской области в конце 1950-х годов (по материалам переписи 1959 г.): корреляционный анализ // Демографическая и семейная политика в контексте целей устойчивого развития: сб. статей IX Уральского демографического форума: в 2 т. Екатеринбург, 2018. Т. II. С. 150–156.
Левин И. Двоеверие и народная религия в истории России / пер. с англ. А.Л. Топоркова и З.Н. Исидоровой. М., 2004. 214 с.
Леонтьева Е.А. Реформирование органов здравоохранения на Южном Урале (середина 40-х – первая половина 60-х годов XX века) // Вестник Оренбург. гос. пед. ун-та. 2014. № 2 (10). С. 106–112.
Никифорова О.В. Религиозность сельского православного населения Оренбургской епархии во второй половине XIX – начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2006. 237 с.
Панченко А.А. Исследования в области народного православия. Деревенские святые Северо-Запада России. СПб., 1998. 305 с.

- Подмарицын А.Г.* Религиозная жизнь православного населения Средней Волги в системе церковно-государственных отношений (1943–1965 гг.): дис. ... д-ра ист. наук. Оренбург, 2017. 643 с.
- Подмарицын А.Г.* Особенности и формы проявления народной религиозности в Средне-Волжских епархиях Русской православной церкви (1943–1965 гг.): монография. Самара, 2016. 167 с.
- Садырова М.Ю.* Религия и церковь в повседневной жизни русского крестьянства в конце XIX – первой трети XX вв.: по материалам Пензенской и Саратовской губерний: дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2010. 276 с.
- Сергазина К.Т.* Почитание скульптурного изображения Богоматери из Костышей в 1950–1980-е гг. [Электронный ресурс] // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2013. № 7 (23). URL: <https://arxiv.gaugn.ru/s207987840000626-7-1/?reader=Y> (дата обращения: 12.05.2021).
- Сережко Т.А.* Народная религиозность в современной крестьянской субкультуре: дис. ... канд. филос. наук. Белгород, 2010. 149 с.
- Сосковец Л.И.* Верующие как маргиналы в советском обществе // Ученые записки Российского социального университета. 2010. № 10 (86). С. 10–15.
- Степнова Д.А.* Борьба советской власти с православным паломничеством к «святым местам» в СССР 1950–1970-х годов (по материалам Пензенской области) [Электронный ресурс] // Вестник Перм. ун-та. История. 2013. № 3 (23). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/borba-sovetskoj-vlasti-s-pravoslavnym-palomnichestvom-k-svyatym-mestam-v-sssr-1950-1970-h-godov-po-materialam-penzenskoj-oblasti> (дата обращения: 04.06.2021).
- Федченко М.Н.* Русская православная церковь на территории Курганской области (1943 – начало 2000-х гг.): монография. Курган: Изд-во Курган. гос. ун-та, 2006. 124 с.
- Хун У.* Кому водичка, а кому водочка, или что делают смотрители на святом озере? Праздничная культура и религия в советском послевоенном обществе // Cahiers du Monde Russe. 2011. № 52/4. P. 591–618.
- Хун У.* С иконами и песнопениями, или епископ, сбежавший от своих прихожан. Массовые паломничества в России эпохи Сталина и Хрущева // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. № 3–4. С. 232–256.

Дата поступления рукописи в редакцию 21.06.2021

HOLY SOURCES AND FOLK RELIGIOSITY OF THE ORTHODOX POPULATION OF THE URALS IN 1954 – 1964

Zh. M. Krasulina

South Ural State University, Lenin ave., 76, 454080, Chelyabinsk, Russia
krasulina.zhanna@mail.ru
ORCID: 0000-0001-5302-6712

O. Yu. Nikonova

South Ural State University, Lenin ave., 76, 454080, Chelyabinsk, Russia
Tyumen State University, Volodarskogo str., 6, 625003, Tyumen, Russia
olga-nikonova@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-0100-6581

The tradition of attributing mythological and religious meanings to natural phenomena, the formation of a ritual culture associated with trees, stones, water sources, atmospheric phenomena, etc., refers to the most ancient sacred practices of human communities. This stimulated philosophical, cultural, and anthropological studies of this phenomenon in the context of Orthodox culture, aimed at identifying the relations between pagan and Christian symbols and rituals and analyzing the problem of dual faith among the Orthodox population of Russia. Historical studies of the manifestations of folk religiosity are still at the stage of generalizing empirical material. The subject of the article is a study of folk religious practices in the historical context of Khrushchev's anti-religious campaign. The focus of the study is on the Orthodox traditions of venerating water sources. The specificity of the approach is the analysis of the elements of folk religiosity (using the example of the veneration of "holy sources") as a manifestation of everyday practices of adaptation and survival of believers in the USSR. Despite the banishment of religion from public space in the era of Nikita Khrushchev, belief in miracles and miraculous healings and visits to holy places were

common not only among Orthodox Soviet people, but also among those who were considered “atheists”. Regional features of folk religion in the Urals were the redefinition of holy places in the multi-ethnic space of the region and the use of water sources for folk medicine in an underdeveloped health care system. For certain categories of Soviet citizens (former priests, monks and nuns, marginalized elements, etc.), the sphere of folk religiosity was a space for the realization of subjectivity, different from the “normative” one. As a result of a comparative-historical approach, it is shown that the practices of venerating holy sources in the Urals fit into the all-union framework of the phenomenon.

Key words: Soviet state, folk religiosity, pilgrimages, holy sources, Orthodox believers, anti-religious policy, adaptation and survival practices.

Acknowledgments

¹ The study was supported by the grant of the Russian Federation Government (project No 075-15-2021-611), “Human and the Changing Space of the Urals and Siberia”.

References

- Bal'zhanova, E.S. (2006), *Pravoslaviye v zhizni russkikh krest'yan Srednego Urala: XIX – nachalo XX vv. Diss... kand. ist. nauk* [Orthodoxy in the life of Russian peasants in the Middle Urals: XIX – early XX centuries], Yekaterinburg, Russia, 283 p.
- Fedchenko, M.N. (2006), *Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' na territorii Kurganskoj oblasti (1943 – nachalo 2000-h gg.)* [Russian Orthodox Church in the Kurgan Region (1943 – early 2000s)], Izd-vo Kurganskogo gos. un-ta, Kurgan, Russia, 124 p.
- Geras'kin, Yu. V. (2009), *Vzaimootnosheniya Russkoj Pravoslavnoy tserkvi, obshchestva i vlasti v kontse 1930-h – 1991 gg. (na materialah oblastey Tsentral'noj Rossii). Avtoref... d.i.n.: 07.00.02* [The relationship of the Russian Orthodox Church, society and government in the late 1930s – 1991], Moscow, Russia, 49 p.
- Geras'kin, Yu.V. (2007), *Russkaya pravoslavnaya tserkov', veruyushchie, vlast' (konets 30-kh – 70-e gody XX veka)* [Russian Orthodox Church, believers, power (late 30s – 70s of the 20th century)], Ryazanskiy gos. ped. un-t im. S. A. Esenina, Ryazan, Russia, 272 p.
- Geras'kin, Yu.V. (2018), “Holy sources in the religious life of the Orthodox population (on the example of the Ryazan Territory)”, in *Gorizonty tsivilizatsii. Materialy Devyatykh arkaimskikh chteniy* [Horizons of civilization. Materials of the Ninth Arkaim Readings], Chelyabinsk, Russia, p. 67–74.
- Ivanov, P.S. (2001), *Religioznost' russkogo krest'yanstva v kontse XIX – nachale XX vv. Diss. k.f.n.* [Religiousness of the Russian peasantry in the late XX - early XX centuries], Moscow, Russia, 186 p.
- Khun, U. (2011), “For whom water, and for whom vodka, or what are the caretakers doing on the holy lake? Festive culture and religion in the Soviet post-war society”, *Cahiers du Monde Russe*, № 52/4, pp. 591–618.
- Khun, U. (2012), “With icons and chants, or a bishop who fled from his parishioners. Mass pilgrimages in Russia during the era of Stalin and Khrushchev”, *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom*, № 3–4, pp. 232–256.
- Kobzeva, Z.M. & A.V. Protasova (2020), ““Let's think, think, brothers”: folk religiosity before and after the 1917 revolution (on the example of the Middle Volga region)”, *Vestnik Samarskogo universiteta. Seriya: Istoriya, pedagogika, filosofiya*, vol. 26 (1), pp. 26–30.
- Kornilov, G. E. & I. I. Chernysheva (2018), “The educational level of the population of the Sverdlovsk region at the end of the 1950s (based on the materials of the 1959 census): correlation analysis”, in *Demograficheskaya i semeynaya politika v kontekste tseley ustoychivogo razvitiya: sb. statey IX Ural'skogo demograficheskogo foruma: v 2-h tomah* [Demographic and family policy in the context of sustainable development goals: collection of articles. articles of their Ural Demographic Forum: in 2 volumes], vol. II, Institut ekonomiki UrO RAN, Yekaterinburg, Russia, pp. 150–156.
- Leont'eva, E. A. (2014), “Reform of healthcare authorities in the Southern Urals (mid 40s - the first half of the 60s of the twentieth century)”, *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, № 2 (10), pp. 106–112.
- Levin, I. (2004), *Dvoeverie i narodnaya religiya v istorii Rossii* [Dual faith and folk religion in the history of Russia], Indrik, Moscow, Russia, 214 p.
- Nikiforova, O.V. (2006), *Religioznost' sel'skogo pravoslavnogo naseleniya Orenburgskoy eparkhii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX vv. Diss... kand. ist. nauk* [Religiousness of the rural Orthodox population of the Orenburg diocese in the second half of the 19th – early 20th centuries], Chelyab. gos. un-t, Chelyabinsk, Russia, 237 p.
- Panchenko, A.A. (1998), *Issledovaniya v oblasti narodnogo pravoslaviya. Derevenskie svyatyni Severo Zapada Rossii* [Research in the field of folk Orthodoxy. Village shrines of the Northwest of Russia], Aleteya, St. Petersburg, Russia, 305 p.
- Podmaritsyn, A.G. (2016), *Osobennosti i formy proyavleniya narodnoy religioznosti v Sredne-Volzhskikh eparhiyah Russkoj Pravoslavnoy Tserkvi (1943–1965 gg.)* [Features and forms of manifestation of popular religiosity

- in the Middle Volga dioceses of the Russian Orthodox Church (1943–1965)], Knizhnoe izd-vo, Samara, Russia, 167 p.
- Podmaritsyn, A.G. (2017), *Religioznaya zhizn' pravoslavnogo naseleniya Srednej Volgi v sisteme cerkovno gosudarstvennyh otnoshenij (1943 – 1965 gg.). Diss.... d.i.n.* [Religious life of the Orthodox population of the Middle Volga in the system of church-state relations (1943 – 1965)], Orenburg, Russia, 643 p.
- Sadyrova, M.Yu. (2010), *Religiya i tserkov' v povsednevnoy zhizni russkogo krest'yanstva v kontse XIX – pervoy treti XX vv.: po materialam Penzenskoy i Saratovskoy guberniy. Diss. kand. ist. nauk* [Religion and Church in the everyday life of the Russian peasantry at the end of the 19th – first third of the 20th centuries: according to the material of the mothers of the Penza and Saratov provinces], Samara, Russia, 276 p.
- Serezhko, T.A. (2010), *Narodnaya religioznost' v sovremennoy krest'yanskoy subkul'ture. Diss... k.f.n.* [Popular religiosity in the modern cross-country subculture], Belgorod, Russia, 149 p.
- Sergazina, K.T. (2013), “Veneration of the sculptural image of the Mother of God of the Kostyshi in the 1950s-1980s”, *Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal «Istoriya»*, vol. 7 (23), available at: <https://arxiv.gaugn.ru/s207987840000626-7-1/?reader=Y> (accessed 12.05.2021).
- Soskovets, L.I. (2010), “Believers as marginals in Soviet society”, *Uchenye zapiski Rossiyskogo sotsial'nogo universiteta*, № 10 (86), pp. 10–15.
- Stepnova, D.A. (2013), *Bor'ba sovetskoy vlasti s pravoslavnyim palomnichestvom k «Svyatym mestam» v SSSR 1950–1970-kh godov (po materialam Penzenskoy oblasti)* [The struggle of the Soviet government with the Orthodox pilgrimage to the "Holy Places" in the USSR in the 1950s – 1970s (based on materials from the Penza region)], available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/borba-sovetskoy-vlasti-s-pravoslavnyim-palomnichestvom-k-svyatym-mestam-v-sssr-1950-1970-h-godov-po-materialam-penzenskoy-oblasti> (accessed 25.04.2021).